

Александр Скиперских¹

Эссе о провинции (заметки о дефиците власти в современной России)

Аннотация: В данной статье автор пытается понять, как институты власти могут функционировать в условиях российской провинции и как они могут восприниматься обществом. Власть распределяется неравномерно, и это в полной мере сказывается на её дефиците применительно к провинциальному политическому дискурсу. Пример современной России не является исключением.

Автор считает, что современные политические практики власти основываются на определённых культурных основаниях, объясняющихся особым отношением к провинции, которое традиционно присутствует в политическом дискурсе. Автор видит это отношение в различных сюжетах из текстов Александра Пушкина, Андрея Платонова, Антона Чехова, Ивана Бунина и других русских классиков. Авторская интерпретация проблемы потребовала обращения и к теоретическим работам политических философов, среди которых можно выделить Джорджо Агамбена, Альбера Камю, Никласа Лумана, Мишеля Фуко и Макса Шелера. Для автора важность подобного обращения была обусловлена тем фактом, что в центре отмеченных

¹ Доктор политических наук, профессор кафедры философии и социальных наук, Александр Скиперских, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина (Елец), pisatels@mail.ru, ORCID 0000-0001-85877415; Aleksandr Skiperskikh, Doctor of Political Science, Professor of Department of Philosophy and Social Science, Bunin Yelets State University, Yelets, Russia, pisatels@mail.ru, ORCID 0000-0001-8587-7415.

теоретических построений, так или иначе, присутствует проблема соотношения власти сопротивления.

По мнению автора, в пространстве российской провинции существует объективный дефицит институтов власти, говорящий, с одной стороны, об определённом пренебрежении провинцией, а, с другой стороны, свидетельствующий о силе сопротивления инициативам власти на местах и правовом нигилизме, ставшем частью мировоззренческой философии российского провинциала. Представленность человека самому себе, влияет на достаточно критическое отношение к власти. Человек больше не способен доверять институтам власти и искать у них поддержки, что в полной мере раскрывается на примере современной российской провинции, наследующей традицию осторожного и нигилистического отношения к политическим институтам в собственной истории.

Политика федеральной власти в современной России порождает серьёзные разрывы между центром и провинцией, что не может не сказываться на специфическом восприятии самой власти, а также влияет на формирование анархических установок.

Ключевые слова: власть, дискурс, легитимация, политическое пространство, провинция, Россия, русская культура

Введение

*В лесах полно кунци и прочих ценных тварей.
И. Бродский „Пятая годовщина” (1977)*

Политическое пространство определяется наличием в нём власти, пронизывающей его целиком. Присутствие власти чувствуется везде, и нет такого дискурса, который был бы свободен от её установлений. Универсальный характер власти раскрывается через её способность проникать всюду и отмечать своим присутствием „любой дискурс, даже если он рождается в сфере безвластия” (Барт, 1989, с. 547).

Вместе с тем, несмотря на тотальный характер власти, она не равномерно распространена в пространстве политического. Внимательный взгляд отметит, что в каких-то случаях власть представлена в переизбытке, а где-то, наоборот, власть является

недостаточной, что образует определённый дефицит. Тучные ряды сотрудников Росгвардии, разгоняющих московские митинги летом 2019 г. сильно контрастируют с дефицитом работников коммунальных служб в российской провинции, задача которых выполнять надлежащее функционирование муниципальных образований.

Наличие дефицита не всегда говорит о слабости власти, наоборот, в определённых случаях, это свидетельствовать и о том, что она достаточна. В таком случае, недостаток восполняется за счёт других институтов, созданных преимущественно при общественном участии. В политическом дискурсе есть практики концептуализации более критических кейсов политического управления, в рамках которых некоторые исследователи отмечают „бессилие государства”, выражающееся в недостатке административного потенциала, адекватного нормальному функционированию системы (Фукуяма, 2017, с. 163).

Неравномерность распределения власти в политическом пространстве определённым образом намекает на структурированность и неровность самого пространства. При этом каждое пространство представляется уникальным.

Подобная неравномерность может быть искусственно организованной самой властью. В частности, немецкий теоретик коммуникации Никлас Луман обращал внимание на „умную власть”, влияющую на выборы индивида с помощью предоставляемой ему свободы действий, на самом деле, являющейся иллюзорной (Луман, 2001).

Неравномерность власти сказывается на организации политического пространства, обеспечивая некие проблемы для функционирования политических институтов. Тут и там в пространстве политического наблюдается дисбаланс, когда где-то власть присутствует в переизбытке, а где-то, наоборот, наблюдается её дефицит, проблемы с институциональным воплощением, качеством и количеством бюрократии. Проблемы умножаются и ввиду того, что политическое целое состоит из многочисленных элементов, каждый из которых может иметь свои организационные и структурные сложности и проблемы с функциями.

На наш взгляд, политическое целое есть сочетание пар оппозиций. Деление целого на две части гипотетически может предполагать дополнительные уточнения и новые деления.

Методологическая часть

В политической теории структурированность политического пространства доказывается различными теоретическими построениями. С одной стороны, политическое пространство представляется довольно целостным ввиду силы самой власти, обеспечивающей его сохранность. С другой стороны, пространство может быть делимым – оно – *разное*. Наконец, и сама власть может не всегда выглядеть столь мощной и достаточной для обеспечения порядка.

Одна из самых популярных оппозиций в политическом дискурсе структурирует политическое пространство на *правое* и на *левое*. Имеющая многочисленные метафорические и феноменологические прочтения, данная оппозиция активно эксплуатируется в политическом дискурсе. Так, известный слоган Бориса Ельцина в избирательной кампании 1996 г. „Голосуй сердцем”, предполагающий голосование по доверию, может быть противопоставлен рациональным стратегиям голосования. Некоторые исследователи склонны считать, что расположение сердца слева балансируется расположением справа кармана для кошелька (Сегела, 1999). Помимо противопоставления реформ – государственному этатизму, деление на *правое* и *левое* в политике актуализируется применительно к идеологическому спектру, идентификации политических партий, программ и т.д.

Политическое пространство может быть представлено через оппозицию *тёплое* и *холодное*. Наличие температурных полюсов имеет субъективное измерение, но, всё равно, в них находится что-то общее, позволяющее сформировать температурный режим власти, в целом. В частности, официальное пространство изначально воспринимается как *холодное* – недоброжелатель-

ное, казённое и бездушное по отношению к человеку (Нильсен, 2004, с. 184).

Политическое пространство может делиться на *Восток – Запад* и *Север – Юг*. Данные оси привносят в политическое пространство специфическую традицию, тем самым, обеспечивая нас различными сюжетами, разводящим Восток с Западом и Север с Югом. В частности, демократия нарастает на Запад по горизонтальной оси, что некоторыми авторами связывается с оснащённостью западного мира знанием и акцентом на просвещение (Тодоров, 2010, с. 34). Отсюда, в западных политических традициях связанность с властью ослабевает за счёт относительно свободного существования в конкретной локальности, отсутствия тотального контроля. Поэтому, в рамках подобного существования огромным значением обладали „находки или открытие чего-либо” (Kolchin, 2003, p. 6). Таков, скажем, герой американского натурфилософа Генри Дэвида Торо в автобиографическом тексте „Уолден, или жизнь в лесу”.

Советский диссидент Владимир Буковский образно «схватывает» данную ситуацию применительно к советской культуре в одном из автобиографических текстов, когда вспоминает о детях, стоящих вдоль железнодорожного полотна, и глядящих вслед поезду „с какой-то неизменной тоской, словно вся жизнь прошла мимо” (Буковский, 1990, с. 463). После проводов поезда им снова придётся оставаться один на один с монотонностью и однообразием.

Очень интересно в данном смысле выглядит мысль Альбера Камю, озвученная в одном из алжирских эссе. В условиях цивилизационной оторванности ничто „не рождает желаний больше знать, учиться, становиться лучше” (Камю, 1998, с. 87). Провинциальная обречённость кажется изначальным установлением. В случае России, на наш взгляд, подобная оппозиция приобретает дополнительную пронзительность, учитывая её расстояния и различия в уровне урбанизированности и качества экономического развития и инфраструктуры.

В частности, оснащённость знанием только усиливает политический класс и позицию самого суверена, от которой свиде-

тельствует диктатура. Тем самым, происходит разрыв с „голым” телом, об изначальной репрессивной и подчинённой позиции которого убедительно высказывался итальянский политический философ Джорджо Агамбен (Агамбен, 2011).

В политическом пространстве можно отыскать *высокое* и *низкое*, утверждающееся, по словам немецкого теоретика культуры Алейды Ассман насильственным путём (Ассман, 2016, с.184).

Власть устанавливает «правила игры», определяет политический стиль и моду практически во всех политических дискурсах. Власть смотрит на общество сверху – вниз. Установление специфических правил игры для общества присутствует в политическом процессе вне зависимости от характеристик политического режима. В любом случае, власть смотрит на человека сверху-вниз, заинтересованная в регламентации различных сторон общественной жизни. Что касается российской практики, то, скажем, регламентация сбора валежника в лесах воспринимается обществом с достаточной долей скепсиса.

Политическое пространство может делиться *натесное* и *широкое*. Двойственная природа власти, способной к постоянным метаморфозам расширения и сужения, проявляется в момент распространения на большое количество людей. В ограниченном пространстве (крупные города) власть может сужаться, концентрируясь на узких темах и спецификациях, излишне регламентирующих социальные практики, что, наоборот, невозможно себе представить на территориях с низкой плотностью населения, где власти бывает некогда заниматься рецепцией на местах федеральных «причуд».

Пространство обладает определённым звучанием, что позволяет приписывать ему определённую шумность. Отсюда, оно может быть *громким*, наполненным политическим многоголосием и идеологической пестротой, и, наоборот, *тихим* (*глухим*). В этом смысле, политические страсти, кипящие в столичном политическом локусе, могут уравниваться провинциальной тишиной и безмолвностью.

Каждое политическое пространство имеет *центр* и *периферию* (провинцию). Политические свойства каждого из этих

элементов проявляются в политическом процессе, и отмечают себя в культурном контексте. Именно данная оппозиция, рассматриваемая на примере практик российской власти, и интересует нас больше всего.

Наше внимание сосредоточено на том, как провинциальное пространство современной России становится объектом конкретных политик, в которых можно разглядеть, как снисхождение, так и, наоборот, регламентацию, скрывающуюся за известной метафорой „закручивания гаек”.

Украшающим подтверждением наших выводов могут являться сюжеты, относящиеся к русской культуре.

Стратегии сосуществования с властью: центр VS провинция

Человек встроен в политическое пространство, являясь его частью. Ввиду этого, он становится заложником власти, становясь зависимым от вырабатываемых ею «правил игры». При этом, необходимо понимать, что бытие власти носит двоякий характер. С одной стороны, власть является уверенной в могуществе и всесильности, восходящей к её фундаментальной природе. Власть не может не объективировать себя постоянно, но, как замечает Игорь Исаев, моменты открытой демонстрации власти в своей продолжительности значительно уступают другой стороне власти, предполагающей скрытое существование и функционирование (Исаев, 2003, с. 546).

С другой стороны, власть не может периодически не напоминать себе, нуждаясь в производстве практики запоминания, что усиливает акцент на визуальной стороне политики. Подобные объективации отмечают присутствие власти везде, совпадая с границами политической сферы. В то же время, неравномерность распределения власти накладывает свои ограничения на то, как она будет представлена. Но в любом случае человек будет оказываться зависимым от существующей диспозиции власти.

Наивысшая концентрация власти достигается в центре, где её инстанции заявляют о себе с наибольшей интенсивностью. Парламентские центры, посольства, здания госкорпораций, офисы медиаконцернов, отелей, величественные театры – всё это не может не говорить о тотальном присутствии власти в центре, и о продуцируемых ею архитектурных чудесах, приводящих в трепет зачарованного провинциала. В частности, подобная мысль развивается в тексте немецкого теоретика Германа Люббе, где раскрыта сочетаемость различных политических режимов того или иного архитектурного ландшафта (Люббе, 2016).

Персоналии, связанные с властью, зачастую оказываются неразрывно и органично соединёнными с самим центром, с его зданиями, учреждениями, инфраструктурой. Деятельность учреждений остаётся в глубине их самих, за суровым и торжественным фасадом.

В России таким центром всегда являлись столицы – в суперцентрализованных государствах не может быть по-другому. Имперская политика оставляет решение ключевых вопросов за собой, поэтому, столичные города и инстанции власти, расположенные в них, воспринимаются как средоточья власти, от которых зависит судьба конкретного человека. Сенатора из романа „Петербург” русский писатель Андрей Белый часто изображает в лакированной чёрной карете, выступающей метафорой имперской политической машины в начале XX века. Сенатор в ней передвигается по Петербургу, и ему нет дела до толкующегося народа.

Мало что изменилось и применительно к современной России, для которой характерна колоссальная экономическая диспропорция и институциональные перекосы в пользу мегаполисов. Столицы России оказываются привлекательны для центристских сил. В столицы едут зарабатывать деньги, учиться. Столица привлекает культурной афишей. Посещение столицы сегодня неизбежно даже для обычного путешественника, потому как именно там нужно делать пересадку на необходимый авиарейс или поезд. В данном смысле, безусловно, столичная жизнь связывается с очевидными преимуществами. Вместе с

этим, провинция опустошается и наполняется тишиной и покоем, столь экзотическими качествами для современного времени.

Человека, находящегося в столице, постоянно преследует государство. Волей-неволей он вынужден ощущать на себе его репрессивную массу, при этом оплачивая её аппетиты, выраженные в фискальной политике. Именно в столице достигается наивысшая концентрация насилия, раскрывающегося через функции институтов власти и представителей правящего класса. Государство постоянно актуализирует себя через репрессивные генерации, функционируя не только фронтально, но и исподволь. Бытие власти в «спящем» режиме может несколько обнадёжить объекта власти, сформировав иллюзорное ощущение свободы.

Центр может очаровывать, равно, как и провинция. И если провинция очаровывает жителя мегаполиса, то, центр, вполне логично, может очаровать провинциала. В то же время, очарование центром может быть отсрочено из-за шокирующих эффектов. Провинциал чувствует дискомфорт, возможно, связанный со зримо наличным и, наступающим его исподволь, давлением власти. В советской культуре есть достаточно сюжетов, как приезжающий в столицу провинциал моментально теряется сразу на вокзале. Везде и во всём чувствуется большая жёсткость и холодность, противопоставляемая нестоличной теплоте и задушевности. Вот почему для провинциала, полагающегося на себя и на своих близких, так раздражительны постоянные регламентации столицы – платные парковки и ограничения пешеходного движения, переносимые на всё столичное пространство, высокие цены, неискренность отношений. В известном фильме „Брат” Алексея Балабанова (1997) озвучивается мысль о том, что „город – страшная сила”, засасывающая и приспособляющая к себе, делающая сильных, жизнестойких провинциалов со временем слабыми и зависимыми от него. С этим сложно поспорить. Эта мысль пересекается с огромным количеством других историй и сюжетов адаптации в городе.

В постиндустриальном обществе, равно, как и в эпохе модерна, описываемой немецким философом Максом Шелером,

провинциалу может уподобляться и обычный горожанин, с тоской вззирающий на достижения цивилизации, на бесконечные развлечения и сумасшедший жизненный ритм, только усиливающие в нём ощущение собственной ненужности (Шелер, 1999). Вроде бы есть и развлечения, и интенсивная культурная афиша, но человек чувствует, что не может „покупать” подобное удовольствие постоянно. В современной России, где разница в заработной плате между столицей и провинцией достигает многократных размеров, проблема подобной отрешённости является более чем актуальной. Рано или поздно, перед человеком в русской культуре актуализируется вопрос о переезде в более крупный город с целью улучшения своего благосостояния, и, зачастую, именно провинциалами решение о переезде даётся сочень большим трудом.

Было бы странно, если бы человек не стремился бы преодолеть давление власти. Власть всегда балансируется сопротивлением, выступающим её диалектической оппозицией. И если сопротивление власти в центре подчас является безуспешной затеей, то в провинции у человека оказывается куда больше возможностей на самостоятельное творчество. Провинция выступает спасительным, тихим местом, где можно переждать смутные времена. Человек в провинции может получить необходимую свободу действия, не испытывая необходимости постоянного объяснения перед властной машиной, исподволь надзирающей за ним. Только в провинции интеллеktуал может ждать несколько часов поезд и испытывать от этого удовольствие, ни в коем случае не упрекая в этом функциональное бессилие самой государственной машины.

Подобное установление будет служить нам ориентиром в разбираемых нами кейсах, имеющих отношение к русской культуры.

Отсутствие постоянного контроля над индивидом в российской провинции вызывает двоякий эффект. С одной стороны, это формирует общественную пассивность и неспешность течения жизни. Это повод признать жизнь в провинции идиллической, разглядев в провинциальном пространстве особую патриар-

хальность и её зависимость от циклического, вязкого времени (Бахтин, 1975). Вспомним, как в „Городе Градове” А. Платонова народ не имел героев, и „существовал без спешки и не беспокоился о якобы лучшей жизни” (Платонов, 1995, с. 71).

С другой стороны, активность человека в провинции в тех сферах, в которых она невозможна в столичных пространствах, есть следствие безвластия. Отсутствие контроля над человеком провоцирует его на свободный поиск форм существования. Сведённое к минимуму давление власти порождает свободу действия, не отвлекая человека необходимостью решать согласовательные вопросы и вступать в неравный контакт с бюрократической машиной. В провинции можно обойтись без этого контакта и пытаться жить за счёт того, что даровано тебе природой. Как в стихотворении Иосифа Бродского, взятом нами в качестве эпиграфа.

Российская провинция и дефицит институтов власти

Провинциальное пространство оказывается в меньшей степени интегрированным политическими институтами. Их присутствие в провинции является подчас бессмысленным, поэтому их учреждение и содержание являются для экономной, в целом, власти непопустительной роскошью. Меньше институтов власти – меньше контроль. Безусловно, это не означает, что человек волен делать всё то, что ему вздумается.

Показателен личный опыт автора во время предполётного досмотра в аэропорту г. Липецка. Маленькая комната досмотра, единственный металлодетектор, тесный зал ожидания превращают любую посадку на рейс в утомительный марафон для персонала и пассажиров. Отсюда, такое невнимание к отдельным моментам контроля – снятию ремня, обуви, досмотру ручной клади. Экономия средств выглядит парадоксально в тот момент, когда пассажир самостоятельно доносит свой багаж до дверей, откуда его потом довозят до самолёта – транспортёрной

ленты в аэропорту нет. Это сложно представить в каком-нибудь столичном аэропорту, где требования к безопасности намного выше. Расширить персонал и сделать дополнительный коридор досмотра для дирекции аэропорта бессмысленно и невыгодно, ведь аэропорт обслуживает лишь 2–3 рейса в день.

Недавнее посещение футбольного матча в небольшом Ельце запомнилось отсутствием досмотра на входе на стадион. Полтора десятка местных фанатов во время матча охранял только один (!) полицейский. В российской провинции, кажется, не кипят страсти, что усыпляет бдительность административной машины. Можно ли представить подобное в относительно крупном российском городе? Конечно, нет.

Подобный пример показывает, как сложно адаптируется провинциальное пространство под новые требования реальности, как нехотя учреждает власть в провинции дополнительные институты, как сложно она соглашается на расширение штатного расписания. Тем не менее, именно в российской провинции бюрократические институты оказываются самыми многочисленными с точки зрения количества аппаратных работников. Власть понимает, что именно с помощью бюджетников её приходится удерживать в государственный каркас в относительно стабильном состоянии. Тем не менее, любая новация центра в условиях современной России вводит провинциальную власть в ступор, потому как связывается с новыми перестройками привычных моделей. В функционировании власти в провинции присутствует своя логика, определяющая дизайн самой власти и специфику управления общественной массой.

Обычный житель российской провинции сегодня прямо или косвенно испытывает дефицит власти с момента рождения и до самой смерти. Нет никаких сомнений в том, что человек оказывается предоставленным самому себе, решая проблемы без поддержки властных инстанций и существующих институтов – специфических правил игры, либо сознательно минуя их. Дефицит власти приводит к ситуации, когда из провинции нужно куда-то ехать, чтобы решить элементарный вопрос, связанный с существованием человека.

В своих предыдущих исследованиях мы обращали внимания, как дефицит власти сказывается на функционировании политических, экономических, правовых и социальных институтов (Скиперских, 2018). Наиболее уязвимой здесь оказывается провинция, из которой с момента распада СССР начинается постепенный исход населения. Оставаться один на один со своими проблемами могут немногие. Имперская рамка приучила советского человека к потреблению многочисленных благ, в пользу которого было пожертвовано политическими свободами. Сегодня ситуация сильно поменялась. При отсутствии политических свобод у человека теперь вовсе не возникает ощущение экономической достаточности и полноценного доступа к инфраструктуре. В российской провинции человеку может быть некомфортно именно по причине отсутствия контроля – именно с этой идеей и связывается генеральная мысль нашего рассуждения.

В русской культуре бюрократическое присутствие в жизни человека связывается с прогрессом, с цивилизационными достижениями. В данном дискурсе может возникать иллюзорное ощущение тех преимуществ, которые открываются человеку при взаимодействии со структурами, типа открывшихся в России МФЦ (многофункциональным центрам). Но при этом упускается из вида, сколько проблем обычному человеку может создавать чиновник, и каким бременем для самого государства может являться содержание многочисленного аппарата работников, свободное время которых уходит на общение в социальных сетях. Несмотря на явный прогресс, тем не менее, справка о несудимости, которую постоянно должны предъявлять по месту занятости работники сферы образования, делается почти месяц.

Теоретики неинституционализма отмечают, что „чем больше размер общества, тем больший набор лиц, обеспечивающих соблюдение правил, необходимо, так или иначе, организовать” (Норт, Уоллис & Вайнгаст, 2011, с. 61). В случае нашего примера, увеличение функционала, который необходимо обеспечивать бюрократической машине, создаёт вполне логичные для системы искушения для раздувания бюрократического аппарата.

Герой рассказа А. Платонова „Город Градов” Иван Федотыч Шмаков связывает именно с отсутствием бюрократического контроля практики, когда жители „весной, в новолунье и в первый ром купались в реках и озёрах, умывались с серебра, лили воск, окуривали от болезней скот” (Платонов, 1995, с. 80).

Неслучайно, новый бюрократ, которым и является Шмаков, хочет личного участия в контроле над происходящими процессами. Но, показательно, что первым навыком, который ему приходится отрабатывать, после того, как он закусит колбасой, является тренировка собственной подписи на документах, превращающаяся в любование собой. В русской культуре, подобная миссия бюрократа не является чем-то удивительным. Вспомним рассказ „Восклицательный знак” Антона Чехова, где изображён скромный чиновник, который в своей деятельности не поставил ни одного восклицательного знака. Серая, бюрократическая рутинa оказывается губительной для общества, что объясняет попытки её преодоления в случае некоторых примеров.

Но, несмотря на существующие проблемы, провинция может выглядеть безопасным местом в период политического кризиса. Тогда именно в провинцию могут ехать из центра – открывается обратное движение. В русской истории есть немало примеров, когда провинция принимала эвакуированных, спасающихся от голода и репрессий. Именно в провинции меняют вещи на хлеб и скрываются от всевидящего государства опальные поэты и писатели. Вот почему мысль И. Бродского кажется такой универсальной, в равной степени имеющей отношение к русской культуре, так и к мировому опыту, в целом.

*Если выпало в империи родиться,
Лучше жить в глухой провинции, у моря.
И от Цезаря далёко, и от вьюги,
Лебезить не нужно, трусить, торопиться.*

И. Бродский
„Письма к римскому другу” (1972)

Провинциальность может быть локализована в очень узких зонах, где рационализация экономики может представляться в весьма специфических формах, увеличивающих функциональность привычных вещей и предметов. Консервативный сценарий превалирует над необходимостью постоянного следования за модой. В мемориальном комплексе „Пермь-36” в экспозиции, посвящённой лагерному быту, приводится целый ряд примеров, какими функциями могла обладать в жизни заключённого обычная консервная банка. Теснота и лишения становятся некими условиями производства культуры.

Дефицит власти приводит к ограничениям практически во всех сферах общественной жизни. В русской провинции всегда было сложно получить нормальное образование, получить качественную медицинскую помощь, приобрести необходимый товар, обеспечить доступ к инфраструктуре, в целом. Провинциальное бытие связывается с сильным разрывом в налаженной коммуникации. В российской провинции не везде сегодня есть устойчивое покрытие мобильной связи, сети Интернет. Особенную архаичность форм коммуникации подчёркивают сохранившиеся таксофоны. В русской культуре есть достаточное количество сюжетов, когда отсутствие нормальных дорог и чрезвычайная беспомощность перед неожиданными природными явлениями оказывают решающее влияние на судьбу человека. Власть природы оказывается куда более авторитетным началом, в возможностях которого прямо изменить судьбу человека. Вспомним „Метель” Александра Пушкина, когда влюблённые не узнали друг друга во время венчания в темноте, уставшие от заметённой дороги.

Возможности провинции и столицы определённым образом могли уравниваться в период СССР, когда в сельскую местность могли ехать молодые учителя за более высокой зарплатой и отсрочкой от призыва в армию. Снабжение продовольственными и промышленными товарами могло превосходить ассортимент, предлагаемый в городах. Во многих крупных сёлах были свои больницы. В современной России ситуация радикальным образом изменилась. Провинция оказывается в заложниках у

крупных городов. У провинции, зачастую, нет средств на саму себя – налогооблагаемая база в условиях бегства из провинции выглядит чрезвычайно скудной. Отсюда, провинциальное бытие теряет фактический смысл, и становится частью ностальгического дискурса. Бесконечные оптимизации, позиционируемые властью, как реформы, по сути дела, ещё больше затрудняют выживание человека в российской провинции. Действительно, как может улучшать жизнь человека сокращение автобусного и железнодорожного сообщения, переноси упразднение остановок общественного транспорта? Как позитивно может сказаться на человеке, проживающем в провинции, закрытие школы, магазинов, фельдшерско-акушерских пунктов? Собирая эмпирический материал для своего исследования в российской провинции, автор недавно обратил внимание на то, что в небольших деревнях, расположенных вдоль автомобильных дорог, исчезли водопроводные колонки. Если исчезла колонка, значит, уже нет смысла делать остановку в этой деревне проезжающему автомобилю, а его водителю – вступать в перманентную коммуникацию с жителями. В подобных условиях российская провинция подвергается новой регламентации, что перестраивает её социальный порядок. Жители в таких условиях могут получать дополнительную мотивацию на сплочение, вынужденные выручать друг друга, дабы потом рассчитывать на взаимную помощь. Вместе с этим, формируется почва для людской предприимчивости. Именно так было в дореволюционной России. Иван Бунин вспоминает в „Окаянных днях”, как местные жители зарабатывали на доставке телеграмм со станции Измалково – в Васильевское. Тогда И. Бунин уже был известным русским писателем. Российская провинция – „необозримое светлое поле, блестящая ухабистая дорога, промёрзлые розвальни, стучающие по ней, мелко бегущая бокастая лошаде́нка, вся обросшая изморозью, с крупными, серыми от изморози ресницами” (Бунин, 1991, с. 31).

Правда, предприимчивость не всегда благосклонно отмечается самой властью. Власть не намерена отпускать человека из сферы своих притязаний и готова постоянно поддерживать

высокое напряжение в поле постоянных регламентаций. Отсюда, привлекательность провинции, инспирируемая самой властью, может пониматься обществом с достаточной долей скепсиса. В частности, на наш взгляд, именно так воспринимается программа „Дальневосточный гектар”. Нужно понимать, что попытка получить землю бесплатно, вероятнее всего, будет означать новые обременения для предприимчивых и авантюрных потенциальных участников.

Однажды постройка моста в одной из российских деревень обернулась для провинциалов реальными проблемами. Жители деревни сильно недоумевали по этому поводу. Данный пример демонстрирует, что власть не выпускает из-под контроля даже пограничные ситуации, от которых напрямую зависит выживание человека, несмотря на то, что маргинальный характер бытия провинции обеспечен при её непосредственном молчаливом согласии.

„Приключения правды” в провинции: сюжеты русской культуры

В русской культуре опыт контактов с государственной машиной может быть обжигающим для индивида. Государство изначально выглядит авторитетным партнёром, но на деле, зачастую, ожидания не соотносятся с полученным результатом. Власть в России может чувствовать, что в человеке может теплиться надежда на элементарное внимание и участие. У русского патернализма глубокие корни. Показательно, как сегодня используют эту потребность в диалоге представители российской власти на всех уровнях: прямые линии с Президентом, встречи с журналистами, личные сайты губернаторов и мэров городов, Инстаграмм-конференции и прямые эфиры – всё это свидетельствует о стремлении поддерживать надежду общества на право быть услышанным властью. Безусловно, искусственный характер подобной коммуникации, симуляция реального участия не могут не парализовать доверие к институтам власти.

Разочарование властью, обрушение надежд на полноценный диалог власти и её прямое участие в разрешении накопившихся проблем способно маргинализировать человека, оттеснить его на периферию общественной жизни, заронив в него недоверие к любым формам власти.

Вспомним, как в «Размышлениях у парадного подъезда» Николая Некрасова попытка обращения к власти для обычных просителей заканчивается весьма печально:

*Кто-то крикнул швейцару: «Гони!
Наш не любит оборванной черни».*

Такая же судьба постигает старика, приехавшего увидеть похищенную дочь в Петербург в „Станционном смотрителе” А. Пушкина. Здесь перед нами разворачивается конфликт центра и провинции, конфликт империи и метрополии. Власть, сосредоточенная в центре свысока смотрит на провинциалов, и подобная брезгливость только усиливается в имперской рамке. Что касается российской провинции, то её удалённость от столиц означает её существование в совершенно иной правовой, политической и экономической реальности.

Неудовлетворённость от диалога с властью зачастую оборачивается радикализацией просителя, и приводит к необратимым последствиям. В русской культуре особенным образом романтизированы герои, противостоящие государственным институтам, тяготеющие к «воровским шатаниями», стремящиеся к вольной, разбойничьей жизни. На данную сторону русской культуры обращал внимание И. Бунин в „Окаянных днях” (Бунин, 1991, с. 91). В целом, в русской культуре есть целое множество сюжетов, когда протестный очаг возникает именно в провинциальном пространстве. Вспомним первую встречу Гринёва с самозванцем в пушкинской „Капитанской дочке” в снежной степи, перед началом бурана. То, что затруднительно для городского жителя, вполне себе обычно для того, кто вынужден в снежной степи искать справедливость.

Движение в культуре есть неустанная данность постижения своего существования в пространстве, координации своего места

в отношении с государственной машиной. По поводу движения, как неременной черты протестного дискурса, в своё время убедительно высказывался Мишель Фуко, отмечая заинтересованность власти в постоянной регламентации индивида, в ограничении его двигательной активности, что, в итоге, сказывается на специфическом дизайне репрессивных институтов. Отсюда, попытки ускользания от власти сопряжены с хитростью, остроумием, авантюрным началом и риском. Поиск независимого бытия сопряжён с настоящим приключением.

Михаил Бахтин однажды отметил, что „приключения правды на земле происходят на больших дорогах, в лупанариях, и воровских притонах, в тавернах, на базарных площадях, в тюрьмах” (Бахтин, 2017, с. 171). Что касается России, то поиски правды могут стать делом всей жизни провинциала, вынужденного доказывать свою правоту в авторитетных, столичных инстанциях власти. Поиск истины может стать делом всей оставшейся жизни человека. По этому поводу в очень убедительно выскажется советский интеллектуал Александр Галич:

*Хоть всю землю шагами выстели,
Хоть расспрашивай всех и каждого,
С чем рифмуется слово «истина»,
Не понять ни поэтам, ни гражданам.*

Человек в провинции не выглядит защищённым, тем более, если это изначально „маленький” человек, доступный для оскорблений и обмана. Жаловаться на шатающихся людей, среди которых могут попадаться спесивые личности, ему некому. Незавидная участь подобных чиновников, находящихся внизу бюрократической иерархии, и периодически сталкивающихся с агрессией влиятельных проезжих, уже отмечалась Юрием Лотманом (Лотман, 2017).

Применительно к русской культуре есть и более проникновенные объяснения необходимости миграции из провинции – к провинции. Александр Шмеман видел в этом движении практики богоискательства – постоянного, неуёмного поиска истины, церкви, нового идеального дома, согласующиеся с характерными

для русской культуры практиками поиска „грядущего града” и *Царства Божия* (Шмеман, 2017, с. 28–29). Действительно, практики богоискательства, медленного, созерцательного обретения своего Бога, означают открепление от существующей иерархичности, от власти и её предписаний.

Срединное положение между двумя инстанциями – властью божьей и властью светской, провоцирует человека на вечные, мучительные искания, и порождает рефлексии в русской классической литературе. В частности, автору уже приходилось отмечать это наблюдение применительно к подпольным людям русской культуры, располагавшимся в центре литературного и философского наследия Фёдора Достоевского (Скиперских, 2016). Подобные метания говорят о провинциальности бытия человека, равно, как и о недостаточности власти, способной более чётко зафиксировать конкретного индивида в сфере своих политических притязаний, не маргинализируя его, не оставляя ему времени и свободного пространства на переосмысление своей участи.

Осторожные выводы

Отношение власти в России к провинции выглядит двояко. С одной стороны, провинция представляется частью политического пространства, и, вместе с этим, пространства правового, в котором де-юре могут существовать обязательные для исполнения регламенты и предписания. С другой стороны, провинция в современной России вынуждена пребывать в состоянии заброшенности и дефицита бюрократии. Что остаётся делать обычному человеку в условиях, когда степень бюрократического давления спадает, но, вместе с тем, может существовать в нём потребность?

На наш взгляд, отсюда могут формироваться две вероятные тактики поведения провинциала в складывающейся реальности. С одной стороны, возрастающая потребность человека в опеке и контроле над собой может вызывать объективное

стремление быть ближе к власти и активно воспроизводить практики демонстрации лояльности существующим властным инстанциям. Один студент, центр и провинцию применительно к свободе выражения человека, однажды признался, что в провинции человек чувствует себя абсолютно незащищённым от произвола власти, что объективно склоняет его к стратегии полной лояльности главе администрации. С другой стороны, дистанцирование от власти не выглядит губительной стратегией, потому как высвобождает человека от постоянного подчинения и способствует самостоятельным, альтернативным поискам правдоискательства. Равно, как и в первом, так и в другом случае, может существовать вероятность активизации протестного потенциала, связанного с конечностью терпения и ограничениями анархических практик жизнедеятельности.

* * *

Российская провинция как пространство безвластия во многом наследует свои специфические черты от русской культуры, располагавшей её в подчинительном положении относительно столицы. Дистанцированность и маргинальность провинции вполне объективно образуют дефицит власти и её исполнителей. Дефицит власти представляется двояко, обеспечивая провинциальному сообществу незавидные перспективы регламентации и дисциплинаризации, означающие его бесправностью (право на сбор валежника, грибов и ягод). С другой стороны, подобные, зачастую абсурдные регламентации и предписания оказывается некому контролировать. В провинции не хватает бюрократии и аппарата насилия. Ведь невозможно же повесить на каждом дереве в лесу видеокамеры. В дефиците власти можно увидеть и некую свободу действия, которая в рамках авторских штудий понимается как снисхождение, как великая милость власти, как некий барский жест.

Необходимо отметить, что подобная двойственность в полной мере присутствует и в политическом процессе современной России.

Библиография

- Агамбен, Д. (2011). *НотоСасер. Суверенная власть и голая жизнь*. Москва: Издательство «Европа».
- Ассман, А. (2016). *Новое недовольство мемориальной культурой*. Москва: Новое литературное обозрение.
- Барт, Р. (1989). *Избранные работы. Семиотика. Поэтика*. Москва: Прогресс-Универс.
- Бахтин, М. (1975). *Вопросы литературы и эстетики*. Москва: Художественная литература.
- Бахтин, М. (2017). *Проблемы поэтики Достоевского*. Санкт-Петербург: Азбука-классика.
- Буковский, В. (1990). «*И возвращается ветер...*». *Письма русского путешественника*. Москва: Демократическая Россия.
- Бунин, И.А. (1991). *Окаянные дни*. Москва: Молодая гвардия.
- Исаев, И.А. (2003). *Politica Hermetica: скрытые аспекты власти*. Москва: Юристъ.
- Камю, А. (1998). *Изнанка и лицо*. Москва: ЭКСМО-Пресс; Харьков: Фолио.
- Лотман, Ю. (2017). *Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века)*. Санкт-Петербург: Азбука.
- Луман, Н. (2001). *Власть*. Москва: Праксис.
- Нильсен, Ф.С. (2004). *Глаз бури*. Санкт-Петербург: Алетейя.
- Норт, Д., Уоллис, Д., Вайнгаст, Б. (2011). *Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества*. Москва: Издательство Института Гайдара.
- Платонов, А. (1995). *Взыскание погибших*. Москва: Школа-Пресс.
- Сегела, Ж. (1999). *Национальные особенности охоты за голосами. Так делают президентов*. Москва: Вагриус.
- Скиперских, А. (2016). Боль как эксперимент. «Бунтующий человек» в текстах Достоевского. *Вопросы литературы* 5, с. 176–190.
- Скиперских, А. (2018). Российская провинция: практики преодоления дефицита власти. *Środkowoeuropejskie Studia Polityczne* 4, с. 135–153. DOI: <http://dx.doi.org/10.14746/ssp/2018.4.7>
- Тодоров, Ц. (2010). *Дух Просвещения*. Москва: Московская школа политических исследований.
- Фукуяма, Ф. (2017). *Сильное государство*. Москва: АСТ: АСТ.
- Шелер, М. (1999). *Ресентимент в структуре моралей*. Санкт-Петербург: Наука, Университетская книга.
- Шмеман, А. (2017). *Основы русской культуры. Беседы на Радио Свобода. 1970–1971*. Москва: Издательство Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета.

Kolchin, P. (2003). *American Slavery. 1619–1877*. New York: Hill and Wang.

Bibliography

- Agamben, D. (2011). *HomoSacer. Suverennaya vlast' i golaya zhizn'* [HomoSacer. Sovereignty and a bare life], Moscow: Izdatel'stvo «Evropa».
- Assman, A. (2016). *Novoe nedovol'stvo material'noj kul'turoj* [New dissatisfaction with material culture], Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Bakhtin, M.M. (1975). *Voprosy literatury i ehstetiki* [Questions of literature and aesthetics], Moscow: Hudozhestvennaya literatura.
- Bakhtin, M.M. (2017). *Problemy poehtiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's poetics]. Saint Petersburg: Azbuka-klassika.
- Bart, R. (1989). *Izbrannye raboty. Semiotika. Pohtika* [Selected works. Semiotics. Poetics], Moscow: Progress. Univers.
- Blok, A.A. (1962). *Sobranie sochinenij v 8 tomah. T. 5* [Collected Works in 8 volumes], Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury.
- Bukovskij, V. (1990). «*I vozvrashchaetsya veter...*». *Pis'ma russkogo puteshhestvennika* [And the wind returns. Letters of the Russian traveler], Moscow: Demokraticheskaya Rossiya.
- Bunin, I.A. (1991). *Okayannye dni* [Cursed days], Moscow: Molodaya gvardiya.
- Fukuyama, F. (2017). *Sil'noe gosudarstvo* [Strong state], Moscow: AST: AST.
- Isaev, I.A. (2003). *Politica Hermetica: skrytye aspekty vlasti* [Politica Hermetica. Hidden aspects of power], Moscow: Yurist.
- Kamyu, A. (1998). *Iznanka i lico* [The Wrong Side and the Right Side], Moscow: EHKSMO-Press; Har'kov: Folio.
- Kolchin, P. (2003). *American Slavery. 1619–1877*. New York: Hill and Wang.
- Lotman, Yu. (2017). *Besedy o russkoj kul'ture. Byt i tradicii russkogo dvoryanstva (XVIII – nachalo XIX veka)* [Conversations about Russian culture. Life and traditions of the Russian nobility (XVIII – early XIX century)], Saint Petersburg: Azbuka.
- Luhmann, N. (2001). *Vlast'* [The Power], Moscow: Praksis, 2001.
- Lyubbe, G. (2016). *V nogu so vremenem. Sokrashchyonnoe prebyvanie v nastoyashchem* [Keep up with the times. Short stay in the present], Moscow: Izd. Dom Vysshej shkoly ehkonomiki.
- Nilsen, F.S. (2004). *Glaz buri* [Eye of the storm], Saint Petersburg: Aletejya.
- Nort, D., Uollis, D., Vajngast, B. (2011). *Nasilie i social'nye poryadki. Konceptual'nye ramki dlya interpretacii pis'mennoj istorii chelovechestva* [Violence and social order. Conceptual framework for interpreting the written history of humanity], Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gajdara.

- Pasternak, B. (1989). *Doktor Zhivago* [Doctor Zhivago], Moscow: Knizhnaya palata, 1989.
- Platonov, A. (1995). *Vzyskanie pogibshih* [Recovery of the dead], Moscow: School Press.
- Segela, Z. (1999). *Nacional'nye osobennosti ohoty za golosami. Tak delayut prezidentov* [National features of the hunt for votes. So do presidents], Moscow: Vagrius.
- Shmeman, A. (2017). *Osnovy russkoj kultury. Besedy na Radio Svoboda. 1970–1971*. [Fundamentals of Russian culture. Conversations on Radio Liberty. 1970–1971]. Moscow: Izdatel'stvo Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo instituta.
- Skiperskikh, A. (2016). Pain as an Experiment. «Rebellious Man» in Dostoevsky's Works. *Voprosy literatury* 5, pp. 176–190.
- Skiperskikh, A. (2018). The Russian Province: the Practice of Overcoming the Power Deficit. *Środkowoeuropejskie Studia Polityczne* 4, pp. 135–153. DOI: <http://dx.doi.org/1014746/ssp/2018.4.7>
- Todorov, C. (2010). *Duh Prosveshcheniya* [Epoch of enlightenment], Moscow: Moskovskaya shkola politicheskikh issledovanij.

Essay About The Province (Notes About the Lack of Power in Modern Russia)

Summary: In this article, the author using sketches of Russian culture, tries to understand, how institutions of power can function in the Russian province, and how they can be perceived by the society. The power is distributed unevenly, and this has a full effect on its deficit in relation to provincial political discourse. The Russian example is not an exception.

From the author's point of view, modern practices may have significant cultural grounds, hiding in a special relation to the province, which traditionally accompanied political discourse. The author sees this attitude in various sketches from the texts of Aleksandr Pushkin, Andrey Platonov, Anton Chekhov, Ivan Bunin and other Russian classics. The author's interpretation of the problem required an appeal to the theoretical works of political philosophers, such as Giorgio Agamben, Albert Camus, Niklas Luhmann, Michel Foucault and Max Scheler.

The author believes that in the space of the Russian province there is an objective deficit of institutions of power, which speaks, on the one hand, of a certain disregard for the province, and, on the other hand,

testifies to the strength of resistance to local initiatives and legal nihilism that has become part of the political philosophy of the Russian provincial.

In turn, the provision of a person to himself, affects a fairly critical attitude toward the political power. A person is not more capable of trusting the authorities and seeking support from them. His being increasingly assumes an existential character.

The policy of the federal government in modern Russia gives rise to serious gaps between the center and the province, which can forms affect the specific perception of power itself, and also affects the formation of anarchic attitudes.

Keywords: discourse, legitimation, power, political space, province, Russia, Russian culture